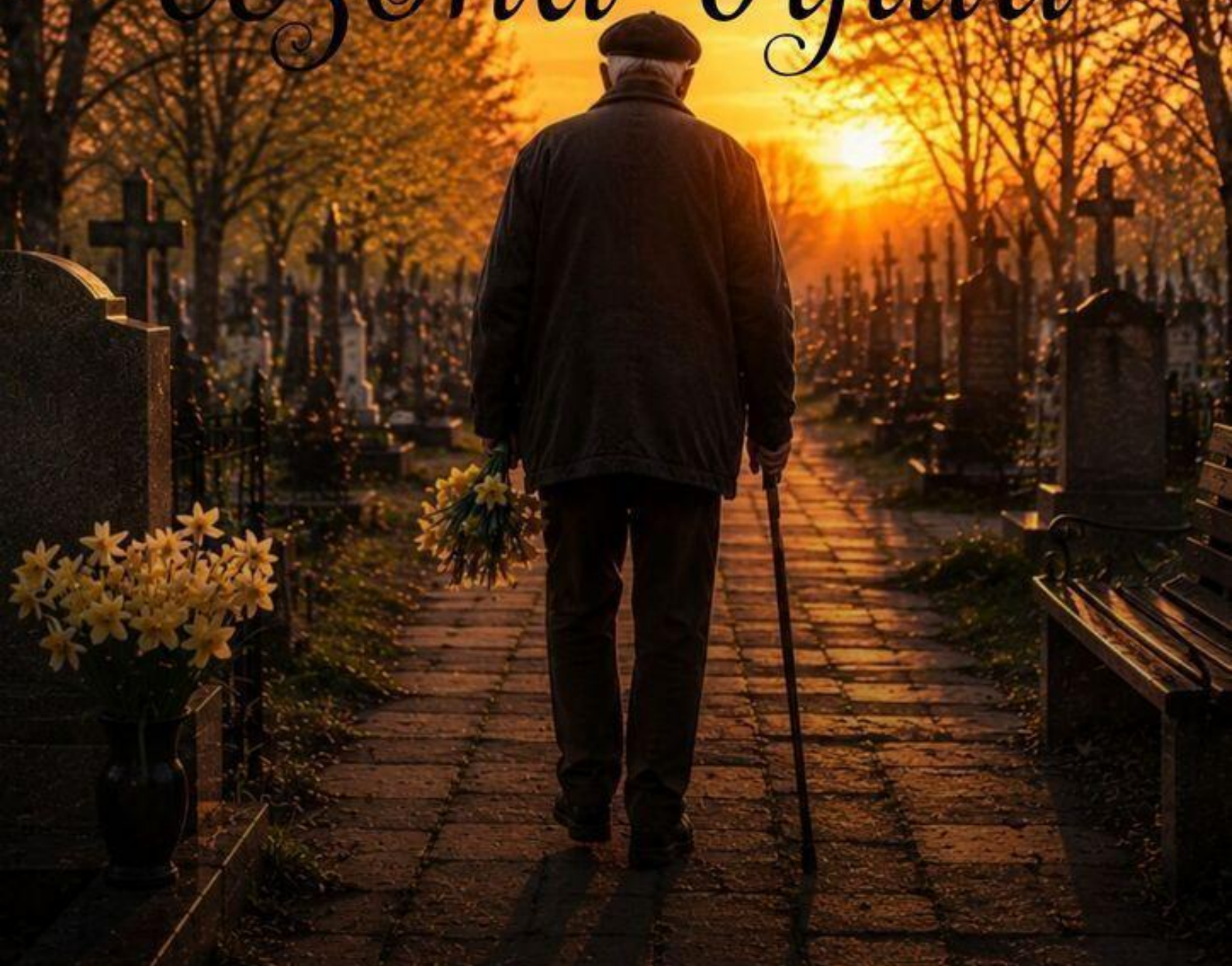

18+

Анжела Афонская

Четыре сезона души

Анжела Афонская

Четыре сезона души

«Издательские решения»

Афонская А.

Четыре сезона души / А. Афонская — «Издательские решения»,

Это произведение скорее новелла-размышление, нам не дано узнать? что нас ждет после смерти, но в течении жизни мы выбираем для себя жить в раю или в аду. И сами приумножает свои печали и радости

Содержание

Часть 1. Смерть	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Четыре сезона души

Анжела Афонская

© Анжела Афонская, 2026

ISBN 978-5-0070-9932-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Смерть

Старик упал как-то на бок, на правый, подставив коленку. Подвела его на этот раз левая нога. Он давно уже убрал все ковры, чтобы не было причины для пальцев ног о них цепляться, но вот колени иногда подгибались.

Полежав на боку, старик медленно восстанавливал дыхание, разгоняя остатки адреналина в крови. Потом лёг на живот и вытянулся, разминая руки, ему на них сейчас придётся упереться. Но старик не торопился, да и некуда было. Он согнул руки в локтях, подложил их под голову и решил ещё немного полежать.

И вспомнил, как первый раз упала его жена. Они оба тогда удивились, так неожиданно это было. Она уверяла его, что зацепилась за порог, но лежала в прихожей довольно далеко от него. Он смотрел на неё растерянно и не мог понять, как она, такая всегда резвая, первая во всём и быстрая, никогда не терявшая равновесия, вдруг упала. Тут же подошёл и, потянув её к себе, помог встать, но при этом ощутил, как тяжело ему это даётся. Оказалось, в его всегда сильных и крепких руках уже не было сил, чтобы поднять её.

Они тогда сели рядом на диван, смущаясь и задумавшись, каждый по-своему, но об одном и том же — о старости.

На этот раз старик уже знал и как падать, и как вставать. Он медленно подтянул под себя колени, опёрся на руки и так потихоньку подполз к стене. Это его стало забавлять, и он усмехнулся. Точно так же полз к стене его годовалый правнук, но, конечно, у него это получалось ловчее. Но точно так же, как и он, старик поставил одну руку на стену, встал на одно колено, упёрся уже двумя руками и рывком поднялся.

Посмотрев на себя в зеркало прихожей, он увидел: сухошавый, седые всклокоченные волосы и брови, серые белёсые глаза, тонкие губы в синеватых прожилках, нос как нос. Он потрогал свои небритые щёки — паутина морщин и желтоватая кожа.

Старик редко смотрел на себя так внимательно, но сегодня, после падения, он вглядывался, ища признаки близкого упадка, пытаясь понять, сколько ещё сможет водить за нос дочь, сына, врачей и, самое главное, себя, убеждая, что время ещё есть и он вполне может самостоятельно о себе заботиться.

Но падение его встряхнуло и огорчило. Он медленно и осторожно, придерживаясь одной рукой за стену, поплёлся на кухню. Поставил чайник на плиту и посмотрел в окно. А там весна.

Такая же весна, как и двадцать лет назад, когда жена попала в больницу. Тогда он пришёл к ней и увидел совсем незнакомого ему человека: женщина бледная, с неубранными волосами, рассыпанными по подушке. В рот и нос тянулись трубки, глаза закрыты. Трубки с иглами тянулись и к запястьям, и к ключице, а остальное было скрыто больничным серым покрывалом.

Внимательно вглядываясь и прикоснувшись к прохладной руке жены, он всё никак не мог поверить, что это она.

Неделю она пролежала под всеми этими трубками, а потом её освободили от них. Она открыла глаза, посмотрела вокруг и, вздохнув как-то хрипло, ушла навсегда.

За ту неделю у кровати жены старик дал себе слово никогда не попадать в эти сети трубок, уколов, катетеров. Он не даст себя заключить в плен этих больниц, он будет бороться. И вот уже двадцать лет прошло, а опять весна.

Чайник закипел. Старик налил кипятка в чашку, прополоскал в нём пакетик, подождав, когда вода станет тёмно-коричневой, потом, отжав его ложечкой, выкинул.

Как всё удобно стало: нет чайнок, не нужен заварочный чайник. Но эта коричневая вода на вкус не похожа на тот ароматный чай, который иногда всплывает в его памяти.

Его стали посещать запахи еды и напитков. Он даже старался что-то приготовить, например молочный суп с макаронами. Всё как в детстве: сварил макароны, вскипятит молоко, сме-

шал эти два продукта в тарелке, добавив пол-ложечки сахара и срез сливочного масла. На языке уже был вкус сладкого молока, а попробовав, он отложил ложку и не мог понять, отчего так. Или молоко не то, или сахар не сладкий, а может, макароны как бумага.

Скорее всего, это его язык уже не чувствует радости пищи, понял он, когда внук пришёл и после тренировки навернул две тарелки молока с макаронами, удивившись, как же он никогда до этого не пробовал такой вкуснятины.

Сейчас же старик почистил крутое яйцо и стал медленно есть его вместе с серым хлебом, намазанным маслом, запивая горячим чаем.

Скоро позвонит сын. Он всегда звонит ему утром по дороге на работу, и давно их разговоры сводятся к одним и тем же вопросам: как он спал, что ел, не забыл ли принять лекарства, пойдёт ли гулять?

Эта рутина — разговор ни о чём — давала сыну уверенность, что он проявляет заботу, и старик ему не мешал так думать. Он был благодарен за этот пустой разговор, хотя после него становилось досадно. Он знал, что может и должен сказать сыну что-то ещё, но ему не хватало смелости оторвать его от такой равнодушной заботы.

Старик посмотрел на телефон, лежащий рядом на столе, и тот, как всегда, зазвонил.

— Доброе утро, отец. Как спалось?

— Да всё как всегда.

— Ты таблетки не забыл выпить?

— Вот сейчас с чаем и выпил.

— Выйдешь сегодня на улицу? Прогноз погоды отличный.

— Да, сегодня обязательно выйду.

— Ну ладно, позвоню вечером. До свидания.

И старик опять, не сказав того, что хотел, слушал гудки.

«Может, вечером», — подумал он, хотя знал: и вечером будет то же самое.

Сполоснув чашку и смахнув крошки со стола, старик двинулся в спальню — осторожно и медленно. Он не хотел упасть ещё раз, тем более сегодня. Он готовился к этому дню и планировал его давно. Падение не входило в его планы, но одно ещё куда ни шло, а второе могло полностью их нарушить.

Открыв дверцы шкафа, он провёл рукой по одежде. Уже давно он отказывался что-то себе покупать, но сын и дочь всё равно не оставляли ему старые, привычные вещи. И как он ни ворчал, ни хмурил брови, они уносили его старые рубашки и штаны и приносили новые.

Он не мог им объяснить, что эти старые вещи — ещё и его память. Память о тех днях, когда они с женой вместе их покупали. Как она приводила его в магазин, и этот день был посвящён только ему. Она носила ему вещи в примерочную, не стесняясь других мужчин, заглядывала за занавеску, одобряла или, наоборот, отвергала ту или иную вещь. И когда он, намерившись и определившись с покупками, предлагал и ей что-нибудь купить, она отказывалась. И он знал: она любит прийти сама, для себя. А сегодня — его день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.